

ДЕТЕКТИВ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

◆ Татьяна УСТИНОВА
◆ Анна и Сергей ЛИТВИНОВЫ
◆ Евгения МИХАЙЛОВА
и другие :-)

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Детектив дальних странствий

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Детектив дальних странствий / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2021 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-119526-7

Сборник рассказов «Детектив дальних странствий» составлен для истинных ценителей жанра. Замечательные истории, написанные мастерами остросюжетной прозы – Татьяной Устиновой, Анной и Сергеем Литвиновыми, Евгенией Михайловой, Людмилой Мартовой, Анной Велес, – порадуют вас оригинальными сюжетами, очаруют описанием романтических сцен и захватывающих приключений и удивят неожиданной развязкой. Легкий слог, прекрасный стиль, море позитива доставят ни с чем не сравнимое удовольствие. Приглашаем вас в увлекательное путешествие!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119526-7

© Устинова Т. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Анна и Сергей Литвиновы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна
Устинова, Евгения Михайлова,
Людмила Мартова, Анна Велес**
Детектив дальних странствий
Сборник рассказов

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Анна и Сергей Литвиновы Жемчужные тени

И в тот момент, когда она увидела в ванне распростертое, выгнутое судорогой, явно мертвое тело Николая, время вдруг стремительно стало раскручиваться назад, с безумной скоростью листая эпизод за эпизодом – словно ребенок прокручивает пальцем страницы книги или монтажер пустил фильм в ускоренную обратную перемотку, – и в памяти пронеслись те моменты, что были связаны (или, может, наоборот, нет, НЕ были связаны, а просто случайно совпали?) с ее, Татьяниним, последним путешествием и тем убийством, которое здесь, в пятизвездном отеле «Колизеум», только что приключилось...

Кто сказал, что супергерои не болеют?

Уж на что Татьяна наша Садовникова, казалось, в огне не горит и в воде не тонет. Успешно борется с бандитами, террористами, находит сокровища, спасает мать и любимого отчима, носится по всей планете!.. Однако и эту великолепную сивку укатали крутые горки. И болезнь подкралась с той стороны, откуда не ждала. Всю жизнь Татьяна гордилась, про себя, да и вслух, что желудок имеет практически луженый. Острейшую корейскую морковку он у нее без проблем переваривал. Черемшу с рынка. Южные приазовские солености типа маринованного арбуза. На Мальдивах, в Индии и Японии местные специалитеты без проблем ела, даже рыбу фугу. А уж повседневное меню всегда начиналось на завтрак остренькой сырокопченой колбаской и чернящим кофе.

Не говоря уж о том, что никакого режима питания не соблюдалось. Когда дедлайны в рекламном агентстве, не до чинных обедов с супчиком. Хорошо, если помощница-секретарша пиццу догадается принести или бургер. Схватишь на бегу, диетколой зальешь – и дальше побежала креативничать.

А бесконечные нервы-нервы в ходе приключений!

Или сидение без крошки во рту в секретной американской тюрьме, или в трюме у бандитов. Или гостевание в бедняцкой греческой семье. Или ночные прогулки в морги на таинственном острове в поисках улики.

Ясно, что полные стрессов приключения вряд ли благотворно сказываются на человеческих внутренних органах. И у каждого организма имеется свой запас прочности, который однажды берет и подступает к пределу.

И вот... Впрочем, ничего особо губительно-страшного с Татьяной и ее ЖКТ (желудочно-кишечным трактом) не происходило. Подташнивало иногда, особенно после еды. Какая-то (извините за подробность) неприятная кислая отрыжка являлась. Под правым ребром порой тянуло. Не смертельно, но неприятно.

Так что когда выдалось на работе посленоегоднее затишье, Садовникова записалась на прием к гастроэнтерологу.

Как многие высокооплачиваемые столичные сотрудники – да еще в западной фирме работающие! – Садовникова лечилась в медцентре за изрядную страховку. Почти все окружающие ее друзья-родственники отказались, волей-неволей, от услуг бесплатной муниципальной медицины. Отчим Валерий Петрович, как бывший чекист и разведчик-нелегал, обслуживался в поликлинике, которую скромно именовал «мидовской». В последние годы он туда же и бывшую супругу Юлию Николаевну пристроил – так что мамми лишилась, к ее сожалению, важнейшей темы для рассказов Танечке о том, как она сражается с противными эскулапами за повышение качества обслуживания.

Напротив, в повествованиях мамочки появились благостные темы: о великолепных, внимательных мидовских врачах, замечательном медперсонале, паркетных коридорах. Она и Таню туда попыталась сосватать – под причитания: ты бы видела, какие там встречаются в высшей степени достойные молодые люди! Однако Садовникова-младшая наотрез отказалась; да и отчим взмолился, что не в состоянии для всей семьи организовать спецполиклинику – есть же границы!

Впрочем, за Танину медицинскую страховку ее компания и без того бешеные тысячи платила.

В медцентре ей сразу посоветовали сделать УЗИ и анализ крови. К доктору Татьяна пришла уже вооруженная неясным черно-белым сканом своего живота.

Докторица ей сразу понравилась: кандидат меднаук, молодая, вдумчивая – типичнейшая уарри, young professional, как сама Садовникова. Она долго мяла пациентке живот, потом выпрашивала анамнез, заполняла карту в компьютере.

– Что со мной, доктор? – проговорила пациентка; отчасти она пародировала трагический надрыв, а отчасти и впрямь несколько трусила – обстановка врачебного центра, к которой она не была приучена, так и навевала мысли о серьезном, возможно, неизлечимом заболевании.

– Хронический панкреатит, стадия обострения, – молвила докторица, звали ее, кстати говоря, Мария Яковлевна. Потом оторвалась от компьютера, увидела погрузневшее лицо Татьяны и успокаивающе добавила: – Ровно никаких поводов для беспокойства я не наблюдаю. Конечно, диета, пятый стол. Плюс я вам выпишу пищевую добавку, лагозу. Вдобавок могу порекомендовать, если имеется возможность: а поезжайте-ка вы, Татьяна Валерьевна, на курорт. На воды.

– Онегин едет к докторам, – в задумчивости процитировала Таня, – те хором шлют его к керам.

– По-моему, у Пушкина не совсем так было? – подняла бровь врачаха. Она оказалась начитанной не только в сфере заболеваний кишечника.

– Да. У солнца русской поэзии иначе: «Онегин едет к докторам – те хором шлют его к вода́м». Но вы никогда не задумывались, почему Пушкин – вообще-то король рифмы! – вдруг столь странно рифмует? «Вода́м – докторам» – далеко не лучшее созвучие.

– Возможно, вы правы, – рассмеялась докторица. – Мне и еще одно место про минеральные воды у «нашего всего» нравится. Как там, бишь? – Она наморщила лоб, припоминая. – «Там, возле вод его волшебных, больных теснится чахлый рой...»

Татьяна вдохновенно подхватила, на ходу поправляя специалиста по животам: «...Вокруг ручьев его волшебных Больных теснится бледный рой; Кто жертва чести боевой, Кто почечуя...» – И пояснила: «Почечуй» – это геморрой, – врачаха со знанием дела кивнула, мол, сама знает, а пациентка продолжила цитирование: «кто почечуя, кто Киприды», – жертва Киприды, это совершенно ясно, у кого венерическое заболевание. – И триумфально завершила:

Страдалец мыслит жизни нить
в волнах чудесных укрепить,
кокетка злых годов обиды
на дне оставить, а старик
помолодеть – хотя на миг.

Врачаха взглянула на девушку со смесью восхищения и некоторой опаски. Улыбнулась:

– Вы что, филолог?

– Типа того. Рекламист.

Не станешь же объяснять, что целую строфу из «Путешествия Онегина» Татьяна не от бескрайней любви к Александру Сергеичу выучила, а потому, что «Российские минеральные

воды» ей рекламную кампанию заказывали, и она хотела их на Пушкина склонить – но они не повелись: слишком старо, сказали, скучно, народ не поймет. Однако строки в садовниковской памяти остались. Можно при случае впечатление произвести.

Как хорошо все-таки не в районной поликлинике лечиться! Врачам на многое времени хватает: и успокоить, и позубоскалить, и поэзию обсудить. А докторица меж тем неспешно вернулась к основной теме разговора:

– Могу порекомендовать хорошие воды при вашем заболевании – Чехия, Королевские Вары. У них там сейчас как раз низкий сезон. А самый лучший отель в городе, «Колизеум», вдобавок дополнительную скидку объявил, двадцать процентов. У меня там главврач знакомая, доктор Яна Горакова. Я ей позвоню, она вас в хороший номерок поселит, лично наблюдать будет.

– Вы от них процент, что ли, за каждого больного получаете? – бухнула циничная Татьяна – да, испорчена она была столичной *бизнесовой* жизнью и рекламной тусовкой.

– О нет! – рассмеялась отнюдь не обидевшаяся врачиха. – Они в клиентах правда не нуждаются. Просто вам хочу помочь, вы мне симпатичны. Да и доктору Гораковой о себе напомнить. Подарите ей от меня баночку икры по приезду. Вы ведь раньше в Кенигсбадене, или в Королевских Варах, не бывали?

Татьяна еще как бывала! Она даже вздрогнула, когда Мария Яковлевна произнесла это название. Здесь когда-то стартовали ее приключения – точнее, оттуда она вылетела в Шереметьево и затем на Северный полюс, чтобы по пути познакомиться с журналистом Димой Полуяновым и игроком Игорем Старых и начать погоню за красным бриллиантом¹; в Королевских Варах они с Юлией Николаевной принялись искать старого возлюбленного матери². . . И отель «Колизеум» она, разумеется, знала – он заслуженно считался лучшим в курортном городке: мрачным и величественным замком возвышалась гостиница-санаторий над всей округой, славились лучшими врачами, процедурами и кухней.

Но оба раза – и когда только закручивались ее авантюры, и в самой их сердцевине – Таня пребывала на водах в роли спутника, можно сказать, балласта, только из любопытства припадающего к животворным источникам. Теперь ее посылали туда, как ни крути, в качестве пациента.

Да! Время текло – и утекали воды! Может, и впрямь послушаться знающей докторши и отправиться подлечиться?

* * *

С икрой для доктора Гораковой обошлись по-современному: Татьяна купила ее в ближайшем супермаркете, а Мария Яковлевна перевела девушке на карту деньги. От себя Садовникова добавила в дар чешской врачихе коробку российских конфет.

Действительно, конец января в отеле – низкий сезон. Желудочно-кишечные больные стягивались туда в периоды обострений, весной и осенью. Однако цены за номер, с учетом даже дополнительной двадцатипроцентной скидки, все равно оказались выше, чем у всех остальных в городе. Гостиница пять звезд, что вы хотите.

И трансфер из аэропорта стоил сто двадцать евро – барство дикое! Таня подумала-подумала и заказала билет на «студенческий» автобус из Праги, всего за десять европейских тугриков.

¹ См. первый роман Анны и Сергея Литвиновых «Отпуск на тот свет».

² См. роман Анны и Сергея Литвиновых «Три последних дня».

Студенческим автобус назывался потому, что обслуживали его студюзы; в процессе поездки раздавали бесплатно кофе и вай-фай; шел маршрут напрямиком из аэропорта до автостанции Кенигсбада.

Ну и что, что зима! Пусть деревья все голые, зато снега нет и трава зеленая. И еще по сторонам дороги хмель растет, а рекламных баннеров, в отличие от нас, совсем мало. И большинство из тех, что есть, – про пиво. Поэтому наплевать, что Татьяна совсем одна, без спутника и даже без подруг, и вроде как едет лечиться. Зато предстоят две недели блаженного ничегонеделанья, приятных процедур, прогулок и, возможно, встреч и впечатлений!

Так думала Татьяна по пути из аэропорта.

Час с небольшим езды, и вот среди гор показался городок – уже знакомый по прошлым впечатлениям: маленький, ухоженный, с краснокирпичными крышами, запертый в долине, меж склонов, заросших лесом. А воздух какой! Вкуснейший, поразительно чистый-чистый.

Да, дыхание – вот она, отправная и, может быть, главная точка всякого лечения.

От автостанции до отеля Таню довез лихой таксист, без труда, несмотря на ее свободный английский, угадавший в ней русскую – а кто еще, спрашивается, будет прибывать в самый дорогой отель на самом дешевом автобусе?!

Багаж забрал портье; на рецепции выдали ключ от номера на шестом этаже и подтвердили, что доктор Горакова будет ждать Татьяну Валерьевну через полчаса. Налили приветственный бокал шампанского. Да еще и вручили штук пять флаерсов на бесплатный коктейль «Кир» в ночном клубе при гостинице.

– А как же диета? – весело осведомилась «больная».

– Это является необходимой частью процедур, – проговорил без тени юмора рецепционист. По-русски он изъяснялся свободно – да и среди посетителей гостиницы, которые протекали мимо, пока шло оформление, категорически преобладал «великий и могучий, живой и свободный»³. Таня и без того помнила, что среди кенигсбадских пациентов преобладают русскоязычные; однако в нынешние времена – судя по автобусу, таксисту и постояльцам – их стало много больше, чем прежде.

Номер оказался в самом деле великолепным. Роскошный паркет, люстра, драпировки. Мебель красного дерева. Из высоких окон открывался вид на старый городок, с трех-четырёхэтажными разноцветными домиками, стоящими плечом к плечу друг с другом, с уютными отелями и казино – он весь разлегся ниже «Колизеума», практически у ног старого отеля. Татьяна с удовольствием обозревала панораму лесистых склонов долины. Где-то там, вдали, в прогалине, можно было разглядеть новостройки, автостраду, реку. Если открыть окна – пахнёт свежестью и послышится отдаленный шум; если затворить – разительная тишина даже не намекает, что ты в гостинице; скорее где-то в гостях в фешенебельном особняке.

Таня переделалась, для знакомства с докторшей выбрала спортивный костюм «Джуси кутюр», кроссовки – пора переходить на санаторный режим, тем более что врач Горакова помещалась в том же корпусе, на втором этаже, всего-то на лифте спуститься.

По пути попадались пациенты – кто в полуспортивном, как Таня, кто и вовсе в банных халатах; кто, наоборот, в цивильных одеяниях шел из столовой, а кто в пальто и шубах направлялся в город. И, судя по тому, что немногие встречные улыбались и здоровались, все они были наши, из бывших союзных республик (да репатрианты из Германии или Израиля). Впрочем, когда Таня (а настроение у нее было удивительно хорошее) здоровалась с публикой сама, первой, да еще по-русски – все, как правило, расплывались в улыбке и отвечали. И только единственная парочка явных немцев (седых, но подтянутых) пробасила в ответ: «Гутен таг», все прочие изъяснялись по-нашему: «Добрый день» или «Здравствуйте».

³ Неполная и неточная цитата из «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: «...о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!...»

Доктор Яна Горакова оказалась чешской реинкарнацией столичной Марии Яковлевны: вдумчивая, и даже въедливая, внимательная, остроумная – только лет на десять постарше отечественной врачихи и с эффектной копной рыжих волос. По-русски говорила прекрасно, лишь с легким акцентом. Посмотрела, послушала, померила давление, помяла живот. Спросила, какие процедуры госпожа Садовникова предпочитает. Икру от Марии Яковлевны встретила странно: «Это надо есть?» – то ли пошутила, то ли впрямь ни разу раньше не сталкивалась с российским специалитетом. Конфетам Таниным обрадовалась.

На действительно волнующий Таню вопрос: «Мне надо строго сидеть на диете, пятый стол?» – ответила мягко: «Это вам должно помочь, но все по самочувствию», – и больная возликовала послаблению режима.

Прописала ей врачиха девятый источник перед обедом и два раза в день, до завтрака и ужина, – первый. С гордостью сказала: «Первый источник доставляется прямо сюда, в наш санаторий, вы сможете получать его прямо здесь, в холле второго этажа».

Перед ужином Таня выпила воду впервые в жизни, из кружки с носиком – тепленькая, приятненькая на вкус. Трудно было поверить в ее чудодейственные свойства, но и ничего плохого напиток не обещал.

Холл гостиницы, в котором минералка исторгалась из стены, выглядел в высшей степени буржуазно. Огромная мозаика в стиле модерн, гордая латинская надпись «Ad honorem fontis». Выковыривая из памяти университетский курс мертвого языка (плюс осколки современного итальянского), Садовникова не без труда перевела: «Почетный источник». Или «бесплатный источник»?

Возле «почетного источника» реально, как писал некогда Александр Сергеевич, больных теснился бледный рой. Основной контингент – дамочки в возрасте 50+, кто в гостиничных халатах, кто в спортивных одеждах, кто принаряженный к ужину, – ревниво посматривали на молодую и свежую Татьяну. Было б это принято в приличном обществе, они бы, словно кошки, и зашипели на нее, и зубами заклацали.

Тем более что девушка уже переоделась к ужину и выглядела чудо как хорошо. Безо всякого пафоса и чрезмерных понтов, скромненько, но со вкусом: светло-желтое платье от «Максмары», светло-коричневые, на пару тонов темнее, мокасины от «Балдинини». Вдобавок она ванну приняла с дороги, уложилась, с легкой тщательностью подкрасилась. Надо сразу дать понять здешним обитательницам, кто теперь тут звезда.

Татьяна спустилась на первый этаж, в ресторан. Как и в номере – как и в холле с источником – здесь торжествовала буржуазность: огромные хрустальные люстры, белоснежнейшие скатерти, высоченные окна. Взоры вкушающих пищу исподволь обратились к вновь прибывшей. Разумеется, Садовникова была далеко не столь наивна, чтобы рассчитывать здесь, в ЖКТ-санатории, на романтическое приключение. Однако достойные внимания мужчины сразу впечатались в ее мозгу, тем паче что и было-то их в зале раз, два и обчелся: основной контингент, как и возле источника, составляли дамочки сильно за пятьдесят, даже, скорее сказать, ближе к семидесяти – и среди них пара-тройка мужичков-подкаблучников в качестве смиренных сопровождающих лиц.

Один из них, впрочем, был хорош – несмотря на возраст, ближе к шестидесяти, и седую голову: высоченный, стройный, подкачанный, почти без лишнего веса, он выглядел как руководитель преуспевающего отечественного завода, фабрики или фирмы. Или, может, какой-нибудь сверхсекретный конструктор, лауреат и академик – много подобных типажей приходило к Тане в агентство, чтобы заказать рекламу, особенно лет десять назад, пока большинство независимых производителей не поглотили государственные картели. Разумеется, старик-красавец был не одинок, а, что называется, на привязи: супруга – настоящая жаба, расплывшаяся, надменная, ревнивая, обриллиантенная. На Садовникову как на новую и молодую персону

немедленно кинула ревниво-досадливый косяк. «Успокойся, не нужен мне твой старичок!» – послала девушка ей в ответ свой мысленный усмешливый месседж.

Служители на входе пояснили: садиться можно за любой стол, брать на шведском столе любое блюдо. Официанты готовы принести из бара спиртное, кофе или чай – за деньги.

Вот еще огромный плюс курорта: две недели Татьяне не надо будет задумываться о хлебе насущном, убирать и мыть посуду.

На шведском столе яств было словно на скатерти-самобранке. Десятки закусок и салатов, множество горячих блюд, от перепелов до оленины, не исключая вечно чешского печеного колена⁴ и карпа. Как с такими разносолами держать диету, пятый стол, они прям издеваются!

Таня заняла скромный столик на двоих у колонны – отсюда она почти незаметна почтенной публике, однако наблюдать может за всеми.

Среди постояльцев более-менее ее возраста заметила двух девчонок, явно столичных (в смысле московских) штучек. Одна, худая и с желчным лицом, явно прибыла в санаторий по показаниям. А подружка, толстенькая и дебелая, точно находилась в зависимом от первой положении.

Есть еще двое мужчин безо всяких признаков женщин поблизости: одеты в спортивные костюмы, но оба благообразные, с долгими и точными жемами, с длинными волосами, длинными бородами. Татьяна поломала голову, кто такие, пока не сообразила: да это ж православные священники, набираются физического здоровья перед тяжким Великим постом!

И еще одна странная пара мужчин за столиком у окна. Говорят друг с другом тихо, будто что-то замышляют. Вид у обоих совершенно бандитский. Залысины, татуировки. Глаза пустые, жесткие. Оба в возрасте, за пятьдесят. Оба накачанные, мощные плечища и руки. Первый, хоть и ростом поменьше, явно начальственное положение по отношению ко второму занимает. И вид у обоих такой – то ли они переправку наркотиков через чешско-германскую границу (впрочем, довольно призрачную) обсуждают; то ли кенигсбадского мэра замочить собираются. И как таких в приличные места отдыхать пускают! (Первая мысль была по их поводу у Тани.) А вторая – нынче капитализм, любой может приехать куда хочет, лишь бы платил.

Когда Садовникова встала взять десерт (их на шведском столе тоже множество – видов десять, пропадай моя диета!), она столкнулась со старшим из этой бандитской парочки. Столкновение, как показали дальнейшие события, было не случайным, но тщательно подстроенным.

– Вы сегодня только приехали, – сказал бандитствующий спокойным, ровным тоном, обращаясь к девушке, – а мы здесь уже три недели сидим. Все ведаем, все знаем. Хотите, я вам покажу город? У меня тут «Мерседес». В казино съездим или куда хотите. Меня, кстати, Николай зовут.

– Ой, я что-то устала после перелета. – И это была чистая правда.

– Здесь внизу, в отеле, нечто вроде ночного клуба. Сходим тогда туда.

– Давайте в другой раз.

– Ну, как хотите, – не стал настаивать он, однако последняя реплика прозвучала почти угрожающе.

Дамочки и девушки, присутствующие в ресторане, разумеется, легко распознали, что происходит между парой, – и, естественно, градус зависти, презрения и ненависти, что они испытывали по отношению к молодой и красивой Садовниковой, только повысился.

...Конечно, Татьяна в тот момент не знала и не догадывалась, что пройдет чуть больше недели, и она увидит совершенно голое и абсолютно мертвое тело Николая – изогнувшееся, откинувшееся, полузатонувшее – в минеральной ванне аристократического пятизвездного отеля «Колизеум»...

⁴ «Печено вепрово колено» – традиционное чешское блюдо: тушенная, чаще в пиве, свиная нога.

* * *

Постояльцу гостиницы на протяжении двух недель полагалось в общей сложности сорок бесплатных процедур. Или примерно по три в день в среднем. Главврач Яна Горакова благодаря протекции московского гастроэнтеролога Марии Яковлевны предложила Тане, новичку в этой области, лучшего массажиста. Подробно расспросила в первый день о Татьянинном образе жизни (в основном сидячий, в офисе и в машине, однако три раза в неделю – физические нагрузки в клубе: зал-тренажеры, бассейн, йога, пилатес) и порекомендовала наиболее подходящую физиотерапию.

Названия оздоровительных мероприятий звучали словно музыка: парафанго! жемчужные ванны! пневмопунктура! лимфодренаж! Впрочем, Садовникова как специалист по рекламе сама знала божественную силу нейминга – или искусства обзывать торговые марки. И здесь та же песня: скажешь грязевые обертывания – фу. А вот «парафанго» звучит гораздо благородней. Или «газовые уколы» – как это называется в отечественной поликлинике – выглядят намного менее привлекательно, чем, о, пневмопунктура!

И девушка с удовольствием погрузилась в волшебный мир излечения самой себя. Несмотря на разнообразие наименований, все в гостинице (и городке) было густо замешено на минеральной воде. Ее потребляли внутрь – три раза в день до еды. Из нее устраивали ванны. Воду следовало вдыхать в виде паров в нос и в рот – ингаляции как профилактика простуды и симптомов аллергии. Имелись в арсенале докторов и совершенно чудовищные способы закачивания чудо-жидкости в иные отверстия организма – однако на столь заоблачные вершины физиотерапии Татьяна как-то пока не готова была взойти.

Но как ей нравилось то, что за ней столь заботливо ухаживают! Служительницы – как правило, немолодые – подавали ей простыни, заботливо придерживали за локоть, когда она ступала в ванну, тщательно укрывали и подтыкали одеяльце, когда обертывали в грязь. Поэтому на процедурах она не раз и не два засыпала – просто проваливалась в сон. Такая расслабуха! И после обеда частенько не шла в город, а возвращалась в номер и беззастенчиво дрыхла час-другой. Давно не спалось ей столь сладко!

Одна девчонка из obsługi выбивалась из общего ряда немолодых и степенных. Она окормляла одновременно ингаляции и лимфодренаж – четыре кабинки с надувными штанами, четыре аппарата с дыхательными трубочками. Ингрид, это юное создание, вечно все путала, теряла карточки и была с пациентами по-настоящему строга.

Спросишь ее: «Можно мне перенести процедуру на час вперед?»

– Не можно!

Притом Ингрид каждую свободную минутку использовала, чтобы читать Стивена Кинга. И когда Татьяна лежала, укутанная девчонкой в лимфодренажные штаны, или вдыхала пары минералки на ингаляции, она воображала – куда деваться от профессии рекламиста, где важнее всего парадоксальность и необычность! – как под руководством этой девчушки начинается фильм ужасов: штаны вцепляются в человека, не дают ему выбраться и все качают, и качают, и качают воздух, чтобы пациент лопнул изнутри. Или шланг ингаляции впивается мертвой хваткой в нос. Бррр! Но чем-то же надо развлекаться, пока двадцать минут лежишь без движения в затемненной комнате, а аппарат у изголовья мерно наполняет, а потом сдувает воздух.

Другая женщина – та, что обслуживала минеральные ванны, – в отличие от прочих, была не чешкой. Вялое, грустное, поникшее лицо. Слегка испитое – с красными прожилками. Впрочем, алкоголем от нее никогда не пахло.

Говорила по-русски она совершенно без акцента.

– Вы из России? – спросила ее как-то Садовникова.

– Из Советского Союза.

– А откуда?

Дама не ответила.

– Давно здесь живете?

– Пятнадцать лет.

– Замуж вышли?

Последний вопрос также остался без ответа. Она вообще была неразговорчивой.

Демонстративно неразговорчивой.

Женщина помогла Татьяне выйти из ванны, подала простыню и беззвучно растворилась в служебном помещении, которое отделяла от ванной пластиковая шторка.

Татьяна думала, что будет скучать в санатории в одиночестве, без общения, но ожидания не оправдались – ей оказалось хорошо с самой собой.

Вечерами усердно плавала в бассейне, накручивала круги.

Бродила по улицам городка, заходила в магазинчики.

Гуляла по лесам, окружавшим город, – отчего-то это оказалось совсем не страшно, может, потому, что параллельными и встречными курсами постоянно бродили собаководы-дельцы и любознательные туристы, раскланивались с нею.

Сходила на концерт местного симфонического оркестра – оказался очень приличным.

Съездила на экскурсию в близлежащий замок.

А поползновений со стороны бандоса Николая больше не последовало. Но не потому, что он отступился. Такие мужики обычно от своих целей влегкую не отказываются. Однако уже на следующий день после приезда, прямо в обед, Садовникова с некоторым удивлением (а также облегчением – но и толикой огорчения) увидела, что оба татуированных, бритых, жесткоглазых мужика сидят за столиком в компании двух дам – каких-то новеньких. Женщины были, судя по виду, русскими (или, может, жительницами Украины, Казахстана, Израиля). По преобладанию в одежде мохера следовало заключить, что они все-таки скорее из провинции, по возрасту ближе к сорока. Одна щеголяла в сверхкороткой юбке, неприличной для ее лет, другая выставляла вперед и впрямь внушительную грудь, размера примерно пятого. Женщины эти на мужичках своих повисали, вечно их оглаживали и с ними кокетничали – из чего Таня сделала вывод, что они явно НЕ приходятся им женами. Да и по возрасту никак на роль спутниц жизни не годятся – ведь обычно нашенские деловые люди или держатся за своих старых верных супружниц, или находят совсем уж юных, двадцатилетних моделек с подкачанными губками. Эти две были ни то ни се – какой-то промежуточный вариант для курортного перепихона. Но когда Татьяна столкнулась за ужином с Николаем (в этот раз непредусмотренно) лицом к лицу (а на его руке висла та, что с грудью), он всем своим видом просигнализировал: мы незнакомы, – и они, оба-два, гордо прошли мимо. Ну, незнакомы так незнакомы, не очень-то и хотелось.

А девицы прямо-таки таяли от пятизвездной роскоши – обстановки, еды и ласкового обслуживающего персонала. В бассейне Садовникова видела, как они вчетвером со своими мужичками оккупируют теплую ванну джакузи – сидят там часами, булькают, трутся, и под водой, и над, своими телесами. Или вместе доходят до красного каления в сауне, а потом с визгом и матерком обрушиваются в ледяную купель. Обьедаются роскошными пирожными в баре. Усаживаются все вчетвером в «Мерседес» и куда-то отправляются – на прогулку или в казино.

Потом, когда случилось убийство – а Таня верила, что произошло именно убийство, – она задним числом пыталась анализировать происшедшее. И понять, при чем тут девахи. И выходило – вроде бы ни при чем. А может, при чем?

Николай со своим спутником проживали на том же шестом этаже, что и Татьяна. Она и того, и другого встречала в коридоре. Девиц поместили на последнем, седьмом этаже – где и комнаты поменьше, и потолки пониже – в одном номере на двоих. Но основное время шалавы,

конечно, с мужичками ошивались. Пару раз Садовникова их взвизги и залиvistый смех через двери слышала.

А однажды, когда проходила по коридору, из номера Николая вдруг вынырнул неизвестный – в серой водолазке, черной куртке. Молодой, по виду вроде нерусский, скорее на чеха похожий. Хозяина комнаты, равно как и его девицы, рядом не наблюдалось. Завидев Таню, мужик в черном сделал лицо кирпичом и, отвернувшись, быстро прошел мимо.

Кто это был? Вор? Шпион? Разведчик из группы скрытого наблюдения какой-нибудь спецслужбы? Представитель конкурирующей фирмы?

Что он делал в чужом номере в отсутствие хозяина? Так и осталось невыясненным. Не будешь же подходить к Николаю, ябедничать и выспрашивать. Или сообщать гостиничному менеджменту.

Еще одна странность. Однажды Татьяна вечером все-таки собралась в ночной клуб при гостинице – надо же использовать хоть когда-нибудь флаерсы на «Кир», которые подарили при заселении. Тем более живую музыку в тот вечер обещали, джазовую группу. «Пойду посижу у стойки, с барменом поболтаю, может, с кем-то более перспективным все-таки познакомлюсь, чем лысеющий бандит».

А в баре с удивлением увидела, что за столиком сидит Николай – в одиночестве, в том смысле, что нет рядом с ним его вечного спутника или же визгливых шалав. Но! Подле находится тот самый пожилой подтянутый мужик, похожий на советского директора или секретного конструктора. И тоже в одиночестве, без мымыры своей, на жабу похожей. Вот уж, казалось бы, какая может быть связь. Но тем не менее! Сидят за водкой – или другими прозрачными рюмками – и что-то тихо-тихо перетирают, голова к голове. Увидели оба Татьяну, узнали ее, слегка отпрянули друг от друга, однако даже здороваться с девушкой не стали, сделали вид, что незнакомы. И довольно скоро ушли, причем платил за обоих бандос.

А вот еще случай, вызывающий подозрения. Кабинеты, где проводят процедуры, в отеле были сделаны не с глухими стенами до самого потолка, а с воздухом в самом верху – непонятно, для чего так, может, чтобы клиенты с обслуживающим персоналом всякими глупостями за закрытыми дверями не занимались. Короче, тем, кто ожидает своей очереди в коридоре, все, что творится в кабинетах, слышно.

Процедуры в отеле всегда начинались минута в минуту, и гиперответственная Татьяна старалась чуть заранее приходить, чтобы не заставляла себя ждать. Вот и в тот раз явилась к кабинету массажа минут за семь. И там, внутри, слышит, тарарам. То есть отдельных слов и фраз не разобрать, но по общим интонациям понять нетрудно – ругаются. Причем не по-базарному, по-женски, когда сто слов в минуту, а внятно, размеренно, по-мужски. А потом дверь распахнулась, на пороге появился Николай и бросил внутрь кабинета отчетливо угрожающее: «Гляди, я тебя предупредил!» Потом увидел Таню, которая смиренно ждала своей очереди в тапочках и халатике, но не смутился, ослабил только и мимо прошел.

Садовникова, как раз ее черед был, умирая от любопытства, прошла к массажисту. Глядит, а тот – украинец Илья из Львовской области – в буквальном смысле ни жив ни мертв. Одновременно весь красный и потерянный, не знает куда глаза девать.

– Что случилось? – задала естественный вопрос Садовникова.

А тот бормочет:

– Ничего, ничего, все хорошо...

Уж как только девушка к нему ни подъезжала, стараясь выяснить, что произошло, никак Илья не раскололся – ни рассказом, ни намеком. А там ведь все, что угодно, могло быть: банальный рэкет, или нарушение правил паспортного режима (со стороны Ильи, конечно), или амурные какие дела – в том смысле, что, может, массажист к сисястой подруге бандоса недостойное влечение проявил, а бандос теперь за нее заступился.

Потом в один прекрасный день шалавы, прибывшие навестить Николая со спутником, исчезли. Татьяна даже наблюдала печальный момент расставания.

К «Мерседесу» с чешскими номерами подошли трое: две девицы и молчаливый лысеющий спутник Николая. Девки печально тянули два чемодана на колесиках. Мужик помог загрузить их в багажник, сел за руль. Дамочки погрузились на заднее сиденье. Вид обе имели потерянный и до последнего печально оглядывались – особенно та, что с грудью, с которой возился Николай. Но сам Николай так и не появился, не попрощался. То ли впрямь занят был, то ли ниже своего достоинства посчитал тетеньку не то что в аэропорт, а хотя бы до машины проводить.

И в тот же самый день Татьяна увидела совсем иную картину – но, возможно, с первой связанную.

Дело было после обеда – самое время для прогулок по городу, пробежки по магазинам, питья пива.

Да! Как же в Чехии, пусть даже на лечении ЖКТ, обойтись без пива!

В «Колизеуме» пивасик подавали так себе – только бутылочный и всего одного сорта. Поэтому постояльцы обычно оттягивались в городе – кто где. Наблюдательная Садовникова выбрала для себя кафе на главной пешеходной улице под названием Почтовая. Заметила, что там в основном не туристы сидят, а местные. И даже среди бела дня посетителей полно. Зашла, попробовала – и пенный напиток действительно оправдал самые сладкие ожидания. Говорили, его туда в танках прямоком из Пльзеня завозят, потому и вкусным таким хмельное пойло оказалось.

И вот именно там Татьяна опять столкнулась с Николаем. В сущности, в случайных встречах в самых разных местах ничего странного в Кенигсбаде не было. Городок-то маленький. Садовникова то и дело нечаянно сталкивалась с пациентами санатория, которые в столовой и на процедурах примелькались. То со столичными девчонками – те две: худая-злая плюс полная-рыхлая – парой фраз перебросится. То мадам, что похожа на жабу (супруге «секретного конструктора»), поможет по-английски в обувной лавке изъясниться. Но почему-то особое внимание она обращала на бандосов и их спутниц – это пригодилось потом, задним числом, когда главного из них убили – Татьяна верила, что убили.

Так вот, время потихоньку шло к ужину. За окнами темнело. Таня заказала кружку пльзенского резаного, то есть смешанного темного и светлого, и на закуску «пивные тычинки» – по вкусу что-то вроде отечественных сушек с солью; только в Чехии мучные изделия были не в виде мини-бубликов, а тонкие и длинные, как хлебные палочки. Сидела, прихлебывала пиво, хрустела. Думала, что жизнь удалась и никто ей, кроме себя самой, не нужен. Сейчас, в данный момент. А когда кто-то понадобится, она его возьмет.

Когда допила и рассчиталась, вдруг увидела, как в ресторанчик входит Николай – вот прям без него никуда! Татьяну не замечает. Подходит, не снимая пальто, к одной из дам, сидящих за барной стойкой. Та встает, а он немедленно подает ей плащ «Берберри». Женщина того же возраста, что и он – пятьдесят плюс. Вся ухоженная, аж до скрипа. Кожа на лице натянутая-подтянутая. В ушах и на пальцах бриллианты. Кофточка «Шанель», кашне, как и плащ, тоже «Берберри». И как-то Николай вокруг дамы – очень нехарактерно для его типажа и даже странно – крутится, лебезит, что ли.

«Все ясно, – усмехнулась про себя Таня, – вдруг нагрязнула жена».

Парочка вышла из кафе, а спустя минуту – Садовникова тоже.

Особого выбора, куда пойти в Королевских Варах, нет. Маршрут большинства известен, особенно перед ужином: вдоль речки Теплой, к колоннаде, где бьют из-под земли двенадцать источников разной ядерности и температуры, а курортники сосредоточенно к ним припадают.

Почти стемнело. Прохожих на улице было мало. Шедшие впереди Николай с пожилой особой общались явно на повышенных тонах. До Татьяны, следовавшей сзади, доносились отдельные слова и базарные (со стороны дамочки) интонации.

– Ты опять за свое взялся?! – долетел ее визгливый вопрос.

Мужчина проговорил что-то успокаивающее, однако дама взорвалась. До Садовниковой донесся ее громкий площадной мат.

– А ну заткни свое хлебало! – гаркнул Николай.

Дама не унималась. Редкие прохожие – в основном русскоязычные туристы – прекрасно понимали все оттенки «великого-могучего» в исполнении дамочки и боязливо сторонились, проскакивая зачумленное место. Кавалер, болезненно ощерившись, гаркнул матом в ответ – однако женщина не унималась. Тогда он схватил ее за плечи и мощно тряхнул. Она вырвалась и со всей силой и злостью залепила ему пощечину. Но мужчина терпеть не стал. Рыцарский закон – не поднимать руку на слабый пол – он явно не усвоил. Его ответ оказался не пощечиной и даже не оплеухой, а настоящим боксерским ударом – точно под глаз фифы. Она отлетела, да так, что чуть не упала.

– Будь ты проклята, сука! – прорычал мужчина, развернулся и зашагал прочь, не глядя на униженную и пострадавшую. А та как-то сразу притихла и зарыдала, схватившись обеими руками за лицо.

– Извините, может быть, вам помочь? – бросилась к ней Татьяна, но та злобно гаркнула:

– Иди ты к черту!

От подобного приема Таня отшатнулась. «Да ну ее к богу в рай, а то еще придумает чего и меня к своему драгоценному приревнует!»

...Зато несколько дней спустя, когда Николая убили – а Садовникова была уверена, что произошел не несчастный случай, как полагали все вокруг, а именно убийство, – этот эпизод, эта ревность со стороны законной половины легли в Татьянину копилку в виде еще одной возможной версии, кто и почему мог с мужчиной расправиться...

Итак, дела бизнеса – и тот серый молодой человек, что выходил из комнаты Николая.

Или «секретный конструктор», с которым они сговаривались в ночном клубе.

Или массажист Илья, который за что-то мстил.

Или обезумевшая от ревности супруга.

Или, может, кто-то еще?

* * *

Но куда убийство не совершилось – да Таня, как и прочие постояльцы «Колизеума», даже подумать о нем не могла, – она продолжала наслаждаться процедурами, минеральной водой, прекрасной пищей, прогулками, сном. Все болезненные ощущения в области живота, которые начали беспокоить ее в Москве, куда-то благополучно исчезли. Спалось хорошо, настроение было прелестным, на подъеме.

Единственное, что начало слегка досаждать, – недостаток общения. Русские тетеньки на излечении в основном вели разговоры о своих болячках, а также методах пластической и лазерной хирургии. Девчонки, худая-злая и полненькая – как оказалось, маркетологи из крупной московской фирмы, – съехали. Обслуживающий персонал знал русский язык строго в соответствии со своими функциями, ни больше ни меньше. Если доктора объяснялись свободно и сносно, то сестрам хватало уровня: «Поднимите руку» или «Ложитесь».

С девчоночкой на ингаляциях, поклонницей Кинга, Таня болтала по-английски. Обсудили все того же писателя, мастера саспенса, но на этом знание литературы, что современной, что американской, что вообще, у девчонки кончилось. Она даже «Над пропастью во ржи» не

то что не читала – не слышала. Пришлось переключиться на обсуждение сериалов – и то медсестра предпочитала ужастики типа «Такие странные дела».

Русская женщина, которая подавала простыни на жемчужных ваннах, языком родимых берез владела в совершенстве. И было в ней что-то притягивающее – хоть и гораздо старше Татьяны, далеко за сорок, и социальный статус явно ниже, и следы чрезмерного увлечения алкоголем на лице, но Садовникова постепенно разговорилась с ней (помогли и щедрые чаевые). Звали ее Наташа, и оказалось, что живет она здесь, в Кенигсбаде, больше пятнадцати лет. Есть даже своя собственная, не съемная квартира, и она давным-давно гражданка Евросоюза. Про то, есть ли муж, Татьяна даже не спрашивала больше – и так видно, что ее новая товарка одинока. Осведомилась о детях – та односложно ответствовала: «Сын. Взрослый».

– Давайте, может, с вами повидаемся в городе? Посидим где-нибудь в кабачке, пива выпьем?

Наталья даже испугалась:

– Что вы, что вы! Нам не положено встречаться с клиентами.

– А мы никому не скажем, никто и не узнает.

Но вместо ответа медсестра вышла из комнаты, оставив девушку в ванне. И когда процедура закончилась и она вернулась подать простыню, тема не возобновилась. Татьяна, впрочем, была уверена, что разговор продолжится и в следующий раз они сговорятся куда-нибудь сходить.

Но потом мерная санаторная скука вдруг взорвалась. Когда ничто, что называется, не предвещало.

* * *

Принятие минеральных ванн – или «жемчужных», как их для красоты называли – организовано было следующим образом. (Описание здесь следует потому, что это имеет отношение к случившейся смерти – или, как считала Татьяна, убийству.) Все процедуры в отеле производили на цокольном, или подвальном, этаже – в советские времена это место наверняка выпренно называли фабрикой здоровья. Там были бассейн и сауна, помещения для ингаляций, грязей (или парафанго), массажа и лимфодренажа. Принятие ванн, как и все прочее, также было поставлено на промышленную основу. В строго назначенное время клиент-пациент подходил к ряду дверей без ручек и замочных скважин. Ровно по расписанию, секунда в секунду, дверь отпиралась изнутри, и радушная дама в белом халате приглашала: «Пожалуйста!» Обычно в случае ванн это была русская Наташа, но именно в тот раз оказалась какая-то новенькая.

В маленькой комнатке – практически каморке площадью три квадратных метра, с зеркалом, феном, вешалкой и топчаном – полагалось раздеваться. Таня обычно спускалась на процедуры в халате на голое тело, поэтому через минуту служительница приглашала ее – через узенький коридорчик – к следующему ряду комнат. Между комнатами этими имелись перегородки, однако не до самого потолка, а вход в каждую отделяла пластиковая шторка вроде тех, что используют в домашних ваннах. В комнатке имелась ванна наподобие джакузи, уже наполненная. Медсестра обычно следила, как пациент залезает внутрь, не поскользнется ли, не брякнется. Спрашивала: «Холодно? Горячо? Хорошо?» Если температура устраивала, желала-пропевала: «Приятной процедуры!» – и исчезала принимать других клиентов, готовить-мыть-наливать для них новые ванны.

В этот раз заведенный порядок нарушился тем, что Таня спросила служительницу: «А где Наташа?» – и та буркнула в ответ: «Не работает» – и исчезла, так что Садовникова даже не успела уточнить, что это значит – выходная? заболела? уволилась? – и решила разузнать, когда ванна закончится. Все-таки в той Наташе – немолодой, некрасивой, видимо, втихомолку

пьющей и скорее несчастной, чем благополучной, – имелась какая-то тайна, которую девушке хотелось разгадать. И даже, может, пожалеть ее, приласкать.

Откинув голову на резиновую подушечку, Татьяна погрузилась в минеральную воду. Ей предстояло двадцать минут релакса, кайфа, расслабления. Пузырьки минеральной воды приятно щекотали кожу. В отличие от лимфодренажа или грязей, девушка тут не засыпала, а впадала в ласковое полузабытье, нирвану.

Однако в этот раз расслабиться не получилось. Обычно из соседних кабинок и коридорчика доносилось бурление заливаемой в ванну воды, или звуки уборки, или короткие угодливые переговоры персонала с клиентами. А теперь до Тани долетел грубый, напористый, почти захлебывающийся, чей-то обвиняющий монолог. Ни одного слова слышно не было, только интонация – полная гнева, обиды, печали. О чем говорят, также было не разобрать и не определить, на каком языке, но Татьяне отчего-то казалось, что по-русски. И не очень ясно было, чей голос обвиняет – мужской ли, женский. Может, тонкий мужской? Или грубоватый женский? А невидимый человек все бросал кому-то в лицо гневные инвективы, так что Садовниковой даже почудилось на минуту, что идет радиотрансляция из серии «Театр у микрофона», или телевизор вдруг включили, какое-нибудь ток-шоу из тех, где супруги обвиняют друг друга в измене и вот-вот подерутся (и порой дерутся). «Что за ерунда? – подумалось ей. – Никогда ничего подобного в отеле, в высшей степени буржуазном, не происходило! Все обычно мерно, расслабленно. Не хотите ли того-то? А пожалуйста сюда-то. А тут!.. Безобразия, можно сказать! Но интересно».

И в этот момент голос-монолог, взяв верхнюю «фа», вдруг оборвался – и его сменил совершенно дикий всплеск воды, словно в ванну вроде той, в которой лежала Таня, с размаху бросили кита. А потом раздался дикий, режущий слух сигнал тревоги – и тут же топот ног, изо всех сил убегающих по коридору.

Это было уже серьезно. Сигнал бедствия не прекращался. Таня рывком поднялась в ванне. Выбралась из нее. Схватила лежащую на табуретке сложенную белейшую простыню – обычно ее подавала по окончании процедуры служительница. Но сейчас Садовникова, не вытираясь, кое-как прикрыла наготу и выскочила в коридорчик. Звук тревоги доносился из соседней комнатки, и туда уже вбегала совершенно белая, под цвет своего халата, служительница, десять минут назад встречавшая Садовникову. Татьяна бросилась вслед за ней – и вот тут и увидела картину, которая, в полном соответствии с философией экзистенциализма, вызвала в ее памяти и воображении огромное количество связанных с ней эпизодов.

Итак, в минеральной воде, колышущейся в ванне, лежал, совершенно голый, странно выгнувшись и сжимая в одном кулаке шнур с тревожной кнопкой, Николай – ее несостоявшийся ухажер. Лысеющий, бандитствующий, накачанный, с татуировками по всему телу, он был очевидно и неотвратимо мертв.

* * *

У Татьяны с детства имелся своего рода рефлекс.

Когда случалось нечто неприятное, таинственное или просто важное, она первым делом, если это было возможно, звонила отчиму.

И совсем не только потому, что любила его, пожалуй, больше других родственников. Мать, Юлию Николаевну, она, разумеется, тоже очень любила. Но от нее какой может быть в пиковой ситуации толк? Одни охи, вздохи, нотации и увещевания из серии: «Ведь я же тебе говорила». Другое дело – Валерий Петрович. Он, кагэбэшник, полковник в отставке, нелегал, полжизни проработавший за границей, всегда готов был любимой Танюшке если не деятельно помочь, то дать полезный совет.

Но вот только находился отчим в Москве, а Садовниковой не хотелось, чтобы их разговор хоть кто-то в отеле услышал. Поэтому – никакого вотсаппа и прочего фейстайма (для которых, как известно, нужен вай-фай). Придется потратиться на обычную сотовую связь.

Таня оделась в номере и ушла из отеля. В гостинице не происходило никакого хайпа или кипежа, не наблюдалось никаких признаков чрезвычайной ситуации. Так же все благородно, безмятежно, размеренно, буржуазно, как всегда. Никто не бегают, не суетится. В просторном лобби постояльцы сидят за книгами и планшетами. Те, кто предпочитает ранний обед, на галерее пьют воду из первого источника.

Девушка вышла из дверей и специально обошла отель кругом. И тут – ничего экстраординарного. Разве что у заднего крыльца стоит «Скорая помощь», в ней сидит шофер, читает чешскую газету – однако в машине не видно ни медперсонала, ни больных. И никакой тебе полиции, сирен, дознавателей, репортеров. Странно это.

Садовникова вышла с территории отеля и по тихим, пустынным дневным улочкам преодолела пару кварталов в гору. Тут начинался лес, а среди него – ухоженные, обустроенные пешеходные тропы.

За время отпуска по ним было немало исхожено. Сейчас, в первой половине дня, когда во всех отелях городка шли «процедуры», гуляющих явно должно быть мало.

И впрямь, на аллеях и просеках никого не оказалось. Несмотря на январь, лес выглядел по-весеннему: таким Подмосковье предстает в начале апреля – снег лежал лишь пятнами, в самых холодных местах.

Средневековой громадой сквозь полуоблетевшую листву над соседствующими вилами проступало здание «Колизеума». При мысли о том, что она только что в нем видела, Татьяну пробирала дрожь.

Таня уселась на лавочку и набрала номер Валерия Петровича. В Москве около десяти, но Ходасевич – ранняя пташка, наверняка встал.

– Танюшка! – обрадовался старичок. – А почему ты не по вотсаппу? Не хочешь с утра мою толстую старую физиомордию лицезреть? И это правильно. Я сам себя часто по утрам не хочу в зеркале видеть.

С возрастом Валерий Петрович, который всю жизнь, в силу своей профессии, тщательно фильтровал базар, становился говорлив.

– Просто не хочу, чтоб меня слышали посторонние. Тут случилось кое-что.

– Слушаю тебя внимательно. – Голос полковника в отставке стал озабоченным.

Садовникова старалась построить рассказ, как всегда учил тот же отчим: сначала главное, потом менее важное и в самом конце – детали, которые могут пригодиться.

«Когда ты даешь себе труд собственную историю организовать в виде доклада или рапорта, – назидательно говаривал Ходасевич (и падчерица к нему прислушивалась), – ты прежде всего сам лучше начинаешь понимать происшедшее. Что на самом деле случилось. И возможно, потихоньку осознаешь, почему оно произошло и что или кто за этим стоит».

Сейчас самой девушке в результате организованного рассказа отнюдь не стали понятней причины и подоплека произошедшего, но вот на вопрос, что приключилось, она готова была ответить безоговорочно, хоть про себя, хоть вслух. Поэтому в разговоре с экс-полковником выпалила:

– Валерочка, это было убийство!

– Да? С чего ты решила?

– Суди сам: только что был живой и здоровый – я этого Николая на завтраке видела. Потом кто-то в помещении ванной бросает ему в лицо обвинения. А потом – через минуту! – он мертв.

Полковник в отставке проворчал:

– Плохо стало человеку. Сколько ему годков на вид было?

– Лет пятьдесят пять.

– Самый рискованный возраст для сердечного приступа. Тем более, как ты говоришь, он вел нездоровый образ жизни.

Татьяна поняла: бывший нелегал испытывает ее, специально поддразнивает – возможно, с тем, чтобы она в запале побольше информации выдала. Как будто недостаточно ему рассказала! Однако было ясно, что отставной разведчик заинтересовался – ох как заинтересовался! Валерочка ведь и сам был такой, как она: прожженный авантюрист, беспокойник до мозга костей, который сразу воспламеняется, когда происходит нечто необычное или загадочное, а пуще того – случается преступление.

– И все равно, согласись, Валера, очень странно! Только что живой и даже инвективы, лежа в ванне, выслушивает. А через минуту уже кони двинул.

– Ты же понимаешь, Танюшка, для убийства мало *исполнителя*, нужен еще мотив. И *орудие*. Вот как, скажи, его могли убить?

– Вот и я думаю. Может, удавка?

– Ты сама говоришь: убитый – человек физически крепкий. Если его душили, значит, была борьба. А ты звуки борьбы слышала?

– Как-то нет.

– Потом, если задушили, наверняка на шее странгуляционная борозда должна быть видна. Ты видела?

– Может, не заметила?

– О нет, это штука приметная.

Тане захотелось пошутить: при каких это, интересно, обстоятельствах полковник разведки ту самую борозду видывал, но она поняла, что не время подкалывать, и осеклась.

– Может, яд? – с надеждой спросила Садовникова. – Нервно-паралитический? В воду бросили – и ку-ку?

– Ни один яд так быстро не действует.

– Тебе виднее.

– Таня! – предостерегающе проговорил отчим, как всегда бывало, когда она в присутствии посторонних (или по телефону) принималась намекать на причастность Ходасевича к спецслужбам. Хотя – подумаешь, секрет Полишинеля! И без того западные *коллеги* наверняка все про него знают.

– Валерочка, а если радиация? Какой-нибудь плутоний?

– Тем более невозможно получить столь быстрый эффект.

– Но, может, Николая специально отравили раньше? И подгадали так, чтобы смерть его в ванне застигла? Чтобы сначала была возможность объяснить ему, за что его карают?

– Фантазируешь, Таня, – произнес Ходасевич таким тоном, что становилось ясно: настаивать на своем, спорить с ним по этому поводу совершенно не нужно и бесполезно.

– Валерочка, а если это электрический ток?

– Хм. А ты заметила на теле покойного какие-то отметки типа язвочек? Своего рода след, где тот самый ток вошел в его тело? Поразил?

– Нет, Валерочка, не заметила, – с сожалением проговорила Таня.

– Вот именно. Да и как можно было тот самый смертельный электрический ток к нему в ванную доставить?

– Я ведь не раз в газетах читала: девушка погибла от того, что уронила в ванну мобильник. (Кстати, почему-то именно девушки роняют, ни разу парни.)

– Не так все просто, Танюшка. Когда *обычный мобильник* в ванну, где ты лежишь, уронишь – ничего не будет. Перетоки слишком маленькие. Попробуй сама.

– Нет уж, спасибо.

Отчим посмеялся, немного деревянно и высокомерно: «ха-ха-ха!» – а потом принялся разъяснять:

– Человек может погибнуть от мобильного, если уронит его в полную ванну в тот момент, когда тот на зарядке стоит, то есть к сети подключен. Ты, кстати, видела там, в комнате, где ванна, какие-то провода, розетки?

– Нет, ничего электрического там нет, совершенно точно. Я ведь подумала в тот момент о токе! Специально посмотрела!

– Молодец. А раз нет – значит, нет.

– Валерочка, и ничего нельзя сделать, чтобы человека быстро погубить? А если фен в воду бросить?

– Ты же сама говоришь: никаких розеток и проводов. И потом, в современных фенах теперь специальное блокирующее устройство ставят, которое отключает их при соприкосновении с водой.

– Все-то ты, Валерочка, знаешь, – подольстилась падчерица. – А если что-то еще в ванну кинуть? Фонарь какой-нибудь карманный? Электробритву переносную? Щетку зубную?

– Нет, там ток разряда слишком маленького для летального исхода... Впрочем... Возможно, есть кой-какие способы... – глухо добавил экс-полковник.

– Ну, ну! – в нетерпении воскликнула девушка.

– Аккумулятор автомобильный знаешь как работает?

– В общих чертах. Сто лет за рулем.

– Да, генератор в процессе движения его заряжает – а потом силы тока достаточно, чтоб, когда ты мотор пускаешь, шкив провернуть. Такого тока десять раз хватит, чтоб человека убить. Тем более когда тот находится в воде – она ведь гораздо лучший проводник, чем воздух.

– Трудно представить себе убийцу, разгуливающего по отелю с автомобильным аккумулятором.

– Вот именно! Его в комнату для процедур не притаишь, слишком тяжелый и приметный... Но знаешь ли ты...

– Что?

– Имеются в открытой продаже так называемые суперконденсаторы – там принцип действия совсем иной, чем в аккумуляторе, но смысл тот же: когда его заряжают от розетки, мощность в нем накапливается. А потом он может при необходимости в долю секунды разрядиться. С помощью суперконденсаторов, кстати, те же автомобили заводят, когда аккумулятор сел. Ток он выдает будь здоров какой, несколько сотен ампер.

– А сколько надо, чтобы человека убить?

– На суше ста ампер хватит. А в воде? Не знаю, возможно, десяти.

– Вот, Валерочка! – с азартом вскричала Таня на весь весенний лес. – Значит, это как раз то, что нам – то есть преступнику – надо. Суперконденсатор! А что он собой представляет? Как выглядит?

– Коробочка. Небольшая и нетяжелая, грамм семьсот. В карман, правда, не влезет, но в сумку – запросто. Принес эту штуку в ванную комнату, два конца в воду сунул – и готово дело. А потом вытащил провода и пошел своей дорогой, оставив в ванне хладный труп.

– Вот! Вот оно!!! – заорала Таня.

* * *

Никто в гостинице никаких объявлений насчет происшедшей трагедии не делал – да и слухов, что удивительно, никаких не поползло. И Татьяну никто не приглашал ни на какие дознания или допросы. Да и ни одного человека в полицейской форме она в «Колизеуме» не видела.

Зато на ужин пожаловали два новых персонажа. Одного из них Садовникова раньше видела – случайно. Это была та самая женщина (жена?), с которой покойный выяснял отношения в кабачке «Пльзень», а потом и дрался на пешеходной улице. На ее скуле красовался плохо запудренный синяк.

Вместе с ней пожаловал лысый brutальный тип с торчащими ушами и неприятными маленькими глазками, высверливающими все вокруг.

Они сидели за столиком втроем, с тем самым другом Николая, с которым тот вместе отдыхал и резвился с гостевыми девками.

Расположились все трое таким образом, что свободно могли рассматривать Таню. По ходу ужина они беспрестанно буравили девушку взглядами, время от времени полупешепотом обмениваясь замечаниями – явно в ее адрес. Что за бесцеремонность, право слово! Кончилось тем, что, когда Садовникова пошла за десертом и пересела за другой свободный столик, с которого наглуго группку не было видно из-за колонны.

Однако они, все трое, поджидали ее на выходе из ресторана.

Первым выступил новый. Он был маленький, но мощный, накачанный, brutальный.

– Татьяна? Мне надо с вами поговорить.

– Зачем и о чем?

– Это касается смерти моего друга. Кузнецова Николая.

– А какие у вас полномочия? И почему я должна беседовать с вами?

Отенок удивления отразился на лице лысымана. Видать, ему давно никто ни в чем не перечил.

И тут вступила безутешная вдова:

– Татьяна! Пожалуйста! Я прошу вас! Вы ведь были там! Я должна знать, что произошло!

Лицом к лицу дама производила в целом благоприятное впечатление: умная, хваткая, закаленная. Прошедшая огонь и воду, хитрая, тертая, она в то же время по-своему переживала гибель спутника жизни – наверное, он, да, был ее спутником.

– Я мало что видела и совершенно ничего не знаю.

– Вы здесь отдыхаете одиннадцать дней, – подал голос маленький лысый. – Важна каждая деталь.

– Понимаете, – добавила дамочка, умоляюще сложив руки, – у нас совершенно нет никакой уверенности, что чешская полиция расследует это дело. Им наверняка хотелось бы замотать его, замести под ковер.

– Мы обязаны, – подключился новичок, – провести в рамках закона альтернативное расследование.

– Уговорили, – кивнула Таня. – Но с одним условием. – Вся группа насторожилась. – Вы расскажете мне... – троица насторожилась еще больше, – ...все о Николае. Кто он, что он, чем и как жил.

– Хорошо, – без колебаний кивнула дама.

– В рамках имеющихся у меня полномочий, – подтвердил лысый.

Третий, изначальный друг, собутыльник и партнер погибшего по съему девушек, за все время разговора не проронил ни слова.

Интересно, а его, этого товарища, вновь прибывший чистильщик допросил? И что выяснил?

* * *

С этого вопроса Садовникова и начала разговор с обладателем глаз-буравчиков на лысой голове. Тот даже поперхнулся.

Они сидели в баре при гостинице. Высоченные потолки, красивейшие вазы с тщательно подобранными букетами, спокойная мебель. Дама (жена?) в сопровождении друга покойного (друга ли?) отправилась наверх, в номера. Таня осталась с новым гостем тет-а-тет. Кроме них в баре никого не наблюдалось, и только в соседнем зале наигрывала на арфе пожилая дама, ее слушали трое, и в дальнейшем, если кто-то подходил, то, привлеченный райскими звуками, направлялся туда. Зальчик, где сидели Таня и допрашиватель, оставался пустым.

Дознаватель заказал воду без газа. Татьяна выбрала капучино.

Мужик подал ей визитку. Концерн «Атлант», начальник службы безопасности Рожков Михаил Андреевич. Адрес: Москва, Берсеневская набережная, пара телефонов.

– Друга Николая зовут Евгений Полуйко. Они с ним хороводятся с четырнадцати лет. В школу вместе ходили, в секции борьбы начинали заниматься. А потом так и дальше по жизни пошли. Евгений вице-чемпионом Союза был. А в концерне нашем он начальник производственного отдела.

– А Николай – президент?

– Почему вы решили, что он президент?

– Производит впечатление главного.

– Это правда, – вздохнул допросчик. – Да, впечатление он такое производил. И не только впечатление. Реально всегда главным был. И – да, он президент. И еще – трехкратный чемпион СССР по вольной борьбе. Мастер спорта международного класса. Участвовал в Олимпиаде в Сеуле.

– А что ваш концерн производит? Борцовские трико?

– Очень широкий спектр товаров и услуг. У нас отделения в Мюнхене, Париже, Праге.

– Эта дама, что с вами появилась, она жена Николая?

– Да. Елизавета Львовна – его супруга.

– Первая и единственная?

Рожков Михаил Андреевич даже слегка смутился.

– Николай Александрович, насколько я знаю, трижды женат. Первый брак случился еще в совершеннейшей молодости, они давно развелись и больше, насколько я знаю, не виделись. Вторая жена Николая Александровича погибла – несчастный случай, пятнадцать лет назад. С Елизаветой Львовной он вместе больше четырнадцати лет. Они были счастливы.

– Ага, и именно поэтому отдыхают отдельно, – съязвила Татьяна. И в том же усмешливым тоне добавила: – И Николай ваш Александрович, и Евгений, друг его, гуляли с прошмандовками, а с Елизаветой этой Николай матом орал и дрался. – Таня с легкостью сдала и женщин легкого поведения, и ссору с супругой и даже определенное удовольствие при этом почувствовала.

– Вот! Расскажите мне обо всем об этом.

– Да уж, расскажу. Только еще один вопрос: у Кузнецова вашего дети есть?

– А вы въедливая, – оценил садовниковский стиль дознаватель.

– Вот именно. Ведь если убийство, надо искать, кому выгодно, не так ли?

– От второго и третьего брака детей нет. А от первого, кажется, был сын, но с ним Николай Александрович никаких отношений никогда не поддерживал.

– А есть ли завещание от имени господина Кузнецова? И в чью оно пользу?

Допрашиватель смутился.

– Я ничего об этом пока не знаю. Но выясню обязательно. А теперь, наверное, настала моя черед спрашивать?

– Валяйте. Откровенность за откровенность.

И Татьяна рассказала – а начальник службы безопасности концерна «Атлант» тщательно записал в свой блокнотик, – о чем она думала и что теперь, когда совершилось убийство, вызывало ее подозрения. И про седого мужика, «директора-конструктора-лауреата», с жабой-

женой, с которым Кузнецов о чем-то в баре сговаривался-снюхивался; и про массажиста Илью, с коим у погибшего произошел резкий спор; и про серого молодого человека, что украдкой выходил из комнаты Николая.

Однако еще об одном подозрительном моменте – очень подозрительном! – она в разговоре с начальником охраны умолчала.

* * *

Таня всегда расстраивалась и даже злилась, когда убийства в детективах раскрывались благодаря случайным встречам/совпадениям/неожиданным подсматриваниям или подслушиваниям. Подобным недостатком особенно грешили отечественные производители массовой продукции. Когда это происходило в огромном городе типа Москвы, это да, реально выглядело смешно. Однако если речь шла о маленьком городке... Где постоянное население – пятьдесят тысяч душ... И все крутятся в основном на одном пяточке: променада, колоннада, пешеходная улица Почтовая, пара-тройка достойных кафе, включая «Пльзень»... Да ведь и самое главное, согласитесь, заключается не в том, что ты случайно увидел-услышал, а в том, какие выводы сделал...

На следующий день никаких жемчужных ванн в расписании процедур у Садовниковой не было. Однако она все равно спустилась на цокольный этаж – в тот отсек, где вчера было совершено убийство.

Все двери оказались закрыты. Никто из пациентов-клиентов начала оздоровления не поджидал. Татьяна прошлась по коридорам. Дальше начинался отсек, где делали ингаляции и лимфодренаж. Там как раз трудилась поклонница страшилок – юная медсестричка Ингрид.

- Как дела? – поймала ее Татьяна.
- Хорошее, – пропела девчушка.
- Слушай, ты не знаешь, как найти Наташу?
- Кто есть Наташа?
- Медсестра. На жемчужных ваннах. Простыни подает.
- Ее нет.
- А что случилось?
- Не знаю. Не видеть ее сегодня.

Тогда Садовникова отправилась на первый этаж к главврачу, доктору Гораковой. Дождалась, хоть и сгорала от нетерпения, когда выйдет предыдущий пациент. Немедленно спросила – не в бровь, а в глаз:

- Как идет расследование убийства Николая Кузнецова?
- Убийства? – поразила докторица, и вроде бы даже искренне. – Насколько я могу понимать, произошел несчастный случай.
- И полиция ваша не подключалась?
- Нет, они, конечно, соучаствуют, и они работают в контакте со службой безопасности нашего отеля...
- А почему сегодня (как и вчера) на работу не вышла медсестра, она на минеральных ваннах, русская по происхождению? Зовут Наташа.
- Наташа? Не знаю. Возможно, болеет. Или отпуск.
- Скажите, а какая может быть связь между нею и... – Девушка обрисовала человека, и главврач ответила, и этим только усугубила Танины подозрения, превратила их почти в уверенность. Поэтому она продолжала настаивать: – Как фамилия Натальи? И где она живет? И почему действительно не появилась на службе?
- Мы не можем передавать подобную информацию нашим гостям.

– Пани Горакова! О чем вы говорите? Да вы знаете, что такое русская мафия? Должны знать. Или хотя бы слышать. Так вот, погибший, господин Николай Кузнецов, я вам сто процентов даю, принадлежал к ней. И сейчас сюда, в отель, прибыли его подручные, чтобы расследовать, что с ним случилось. И уж они наверняка постараются добраться до русской Наташи, которая на тех самых ваннах работала, где гражданин Кузнецов концы отдал. Зачем вам продолжение скандала? И зачем новые смерти, связанные с вашим замечательным «Колизеумом»?

– Вы-то какое имеете дело? Что от Наталии хотите?

– Поговорить. Узнать. Предупредить.

– Почему вас интересуетовывает она?

– Я имею для этого определенную информацию.

Татьяна умела убеждать.

Иначе бы она ни единого рекламного тендера никогда не выиграла. Вот и сейчас, после долгих переговоров, что вела главврач по телефону (по-чешски), она дала фамилию Наталии и домашний адрес в Королевских Варах, где та проживает. Микрорайон Рыбарж, улица Соколовска.

– Она болеет, сказала. Звонила вчера утром и потом сегодня начальнику департамента.

– Ничего, я ее сильно не обременю. Возможно даже, после моего визита ей станет лучше.

* * *

Постояльцам «Колизеума» предоставлялось право бесплатного проезда на двух видах местного общественного транспорта. Во-первых, можно было спуститься в город на «лановой драге» – фуникулере с двумя вагончиками. Также от отеля отходила пара автобусных маршрутов – номер два и двенадцать.

Водитель двенадцатого номера совершенно не говорил по-русски, и это было даже странно после гостиницы, в которой все с разной степенью успешности по-нашему чирикали. Пришлось перейти на английский. Шофер пояснил: доехать надо сначала до автовокзала Тржнице, а там пересесть на автобус, опять-таки бесплатный, который запустил для своих клиентов гипермаркет «Теско», и на такой-то остановке выйти.

Таня села у окна. Никого больше в салоне не оказалось. Отдыхающий народ завтракает, принимает процедуры. И только ей не сидится на месте. Поистине правильно говорит мама Юлия Николаевна: шило у тебя, Татьяна, в заднице! Что ей и впрямь неймется?

Автобус отъехал от конечной. Серая громада «Колизеума» уплыла назад и вверх. Потянулись чистенькие и богатенькие двух- и трехэтажные виллы. Слева по ходу движения иногда распахивался в долине, во всю высь и ширь, красивый разноцветный город.

Какие действительно у нее догадки? Абсолютный мизер. А в суде их как доказательства и вовсе никто не примет.

Да и опасно. Ведь если она во всем права, то выходит что?

Вполне можно нарваться на удар молотком или нож.

Или, может, убийца предпочитает электричество?

Но Татьяна все равно лезла – потому что ей казалось, что там, куда она направляется, она сейчас нужна.

А виной всему – пара реплик, которые она некогда услышала в ресторанчике «Пльзень», ставшем ей любимым.

Вспомнилось, как однажды, когда она наслаждалась бокалом резаного, до нее донесся диалог по-русски.

Говорившие сидели за спиной, поэтому рассмотреть их Татьяна не могла.

Рассказывал женский голос – далеко не юный, в возрасте. Лет сорока плюс. Рассудительный и раздумчивый. И по интонации чувствовалось: женщина расстроена. Огорчена. Даже убита.

– ...И ты представляешь, Пашенька, он ведь даже не узнал меня! Даже! – не! – узнал! Неужели я так изменилась?! Или настолько плохо выгляжу?!

Ей возразил другой голос – мужской, достаточно молодой, даже юный. Но если женщина говорила по-русски совершенно правильно и без малейшего акцента, то мужлан, чувствовалось, вырос и постоянно проживал за рубежом. По стилю, интонации, речи выходило, что он, скорее всего, эмигрант во втором колене, родился и вырос на Западе.

– Но, может, ты обозналась? Столько времени прошло! Может, тебе показалось, что это он?

– Нет, Пашенька, нет! Да и потом, я ведь в карте фамилию его посмотрела! Пусть она в России очень распространенная, но это та же фамилия, Паша!.. Это он, Павлуша!.. И он даже не узнал меня! Даже не узнал!!!

Тут к говорившим подошел официант, о чем-то спросил – что характерно, не по-русски, не по-английски, а по-чешски. И они ему совершенно свободно на том же наречии ответили.

Татьяна нарочно уронила сумку, чтобы парочку, которая ее заинтересовала, рассмотреть, однако не очень преуспела. Ничего не видать, высокие барьеры загораживают лица. А через минуту они прошли к выходу мимо ее столика, и она успела определить почти наверняка: женщина – это та самая Наталья, медсестра с «жемчужных ванн». А с ней – молодой человек, парнишка лет двадцати плюс, которого Садовникова раньше никогда не видела.

Ну, разговор и разговор. Довольно интересный, даже интригующий, однако Таня его благополучно забыла – вплоть до того момента, когда в минеральной ванне убили туриста из России.

И как раз в тот день, когда не вышла на работу медсестра Наташа. Подозрения усугубились, когда она не появилась и сегодня.

А молодой парнишка! В ресторанчике Татьяна видела его лишь мельком. И не могла идентифицировать. И утверждать, кто он и что.

Но вот теперь... Ей почему-то показалось... Только показалось... Она не была ни в чем уверена...

Тот человек в серо-черном, что вышел из комнаты Кузнецова.

И еще одно: дня три назад, еще до всех событий, еще когда отдых в «Колизеуме» проходил мирно и благолепно и Таня как-то шествовала вечером по подвальному, цокольному этажу – возвращалась из сауны и бассейна, довольная, распаренная, в махровом халате, – он, именно этот молодой человек – кажется, он, возможно, он – *кажется, возможно – шел ей навстречу!*

В рабочем комбинезоне.

С пучком проводов в одной руке.

И с пластиковым сундучком, с которым обычно *ходят электрики*.

Поэтому Татьяна спросила сегодня у доктора Яны Гораковой, какая может быть между этим молодым электриком и медсестрой Наташей связь.

* * *

На станции Тржнице, где, несмотря на утро, наблюдалась некоторая суета, благородная, впрочем, суета, европейская – автобусы отсюда отправлялись в разные отдаленные районы Кенигсбада и близлежащие города, – Тане пришлось изрядно подождать бесплатного транспорта, которым баловал клиентов гипермаркет «Теско». Даже подумалось: может, такси лучше взять – однако не хотелось привлекать к себе внимания. Наконец автобус подошел, и она (по-

английски) попросила водителя подсказать по ходу дела, где ей лучше выйти, чтобы найти искомый адрес. «Sure!» – радушно откликнулся тот.

«Микрорайон Рыбарж, – думалось ей по пути. – Практически Рыбацкое, питерское Рыбацкое. Не самый веселенький райончик». И еще вспомнилась телеграмма из «Хищных вещей века» Стругацких: «Грин умер у рыбарей».

«Как бы и мне не откинуться у рыбарей», – зябко подумалось Тане.

У нее не было никакого плана. Она не знала, что сделает и что скажет.

Только почему-то казалось, что несчастная русская женщина Наташа не причинит ей вреда.

Шофер объявил в микрофон по-английски, специально для нее, что на улицу Соколовска лучше всего выходить здесь. Она улыбнулась ему, помахала в зеркало заднего вида, а когда вышла из автобуса – послала воздушный поцелуй.

Все-таки запасы вежливости и благодушия на Западе намного больше, чем у нас.

И возможно, во многом благодаря им кажется, что ничего плохого с тобой тут случиться не может.

Автобус укатил.

Микрорайон Рыбарж выглядел как настоящее Рыбацкое. Или, допустим, Отрадное, или Владыкино. Или даже Выхино и Перово.

Всюду панельные многоэтажки. Очень похожи на наши, только чуть другого фасона. И немного иная система этажности. У нас новостройки хрущевского и брежневского периода обычно возводили в пять или девять этажей. Тут иначе: шести- и восьмизэтажки. Хоть чем-то, а братья по соцлагерю выделились. Вот только серые двенадцатизэтажные башни – точь-в-точь как у нас где-нибудь на улице Шокальского.

Никого на улицах, ни души. Ни кошки, ни собаки, ни рекламного плаката.

Пытаясь определиться с адресом, Татьяна обошла кругом несколько домов, но так никого и не встретила.

Идеальное место для совершения преступления.

Впрочем, главврач пани Горакова знает, куда постоялица, паненка Садовникова, отправилась. Если что, сможет отыскать.

Возможно, хм, Танин хладный труп.

Вот и искомая точка. Таня подошла к подъезду. Шестиэтажка терракотового цвета. Выглядит крайне скучно. Если судить по нумерации, квартира Наташи – на первом этаже.

Таня нажала на кнопку домофона.

– До е тады?⁵ – откликнулся по-чешски бесконечно усталый, хриплый, немолодой женский голос.

– Это Татьяна, туристка из «Колизеума», – произнесла Садовникова заготовленный спич. – Нам надо поговорить.

– О чем? – перешла на русский женщина.

– Об убитом Николае Кузнецове.

– При чем тут я?

– Расследовать смерть прибыл начальник его охраны. Явно мафиозный тип. Я боюсь, он до вас доберется.

Через пару секунд – показавшихся Тане вечностью – щелкнула кнопка домофона.

– Заходите.

⁵ Кто здесь? (чешск.)

Двадцать восемь лет назад, 1990 год

Наташа родилась и выросла в городе К., в Казахстане. Точнее, в Казахской Советской Социалистической Республике, являвшейся тогда частью Союза Советских Социалистических Республик.

При этом по национальности она была не русской и не казашкой, а немкой и фамилию носила Моргенштерн. Фамилия красивая, значит «утренняя звезда». Моргенштерн она была по отцу, а мама ее в девичестве значилась как Вагнер, так же как композитор, что переводилось – «колясочник, или колесных дел мастер».

То, что все они числились немцами, было не хорошо и не плохо. В классе у Наташки, к примеру, училось шестеро немцев. И на улице Володарского, где они проживали, стояло четыре «немецких» частных дома. И никто своей национальности не стеснялся и других по этому поводу не чмарил.

Хотя оттенок ущербности за их нацией числился. Недаром жили они раньше в благодатном Поволжье, но в войну их Сталин оттуда переселил – в холодный, безлесный и продуваемый всеми ветрами Казахстан.

Моргенштернам и Вагнерам в качестве конечного пункта переселения выпал городок К. Так же, как отправили туда (позже, ближе к концу войны) чеченов, ингушей и крымских татар. Но эти народы держались более сплоченно и обособленно.

Зато немцы – кто не помер во время переселения, в эшелонах, а также в лютую первую зиму, когда их бросили в чистом поле с малыми детьми, – обустроивались в целом лучше, чем другие обиженные судьбой нации. Потому что были ладные, спорые, в любой работе искусники.

Однако депортация сорок первого года их научила: от власти можно ждать чего угодно, нация у них подозрительная, поэтому выпячивать ее лучше не стоит. Разговаривать предпочтительнее по-русски, вести себя как русские. Наташа Моргенштерн и языка-то немецкого толком не знала. Азы только.

Дом, в котором они жили на улице Володарского, был добротный, крепкий. Однако ничем не выдающийся. И это потому, что запрещено было выше столько-то метров, и комнаты чтобы площадью не больше дозволенной, и балкончики не положены, и жилые чердаки. Иначе родители размахнулись бы, Наташа не сомневалась.

Ее вера во всемогущество родителей вообще была безгранична. Они умели делать все. И денег у них был миллион. Ну, не в буквальном смысле, но много. У них даже стояла в гараже своя собственная машина, новая «Волга». Отец на ней особо ездить никуда не любил, но вот имелась.

Зарабатывали папа с мамой в основном летом. Они были «шабашники». Слово это звучало не слишком хорошо, не особо уважаемо и означало нечто не самое приятное и поощряемое. Не так, как «колхозник», «ударник» или «передовик». Но и не настолько оно все-таки было плохое, как, допустим, «ворюга», «мошенник» или «цеховик». Короче, говорить о том, что отец с матерью – «шабашники», особо не возбранялось, но и не поощрялось.

А в жизни означало оно, что где-то примерно с мая и по октябрь родители увольнялись из строительного треста и отправлялись на заработки – в Сибирь, на Урал, в Центральную Россию. Потом, когда Наташа повзрослела и стала разбираться в социалистической экономике и в том, что творилось в Союзе, она начала понимать, как все это работало.

Каждому советскому колхозу или совхозу, всякому предприятию на селе или в маленьком городе все время требовались новые постройки и здания. Коровники, или силосные башни, или цеха, или дома для молодых специалистов, врачей или учителей. Денег на это никто и никогда не выделял. И большинство колхозов-совхозов-предприятий сидели и сосали

лапу. Однако встречались даже среди социалистических руководителей по-настоящему деловые люди. Они правдами-неправдами (чаще, конечно, неправдами) раздобывали финансы. Плюс, главное, доставали где-то кирпич, цемент, оконные рамы и все прочее, что требовалось для стройки. Находили умелых рабочих – тех самых «шабашников», как мать и отец Моргенштерны.

За свою деловитость и предприимчивость директора эти и председатели по краю пропасти ходили, по волоску. В любой момент, по любой анонимке мог ОБХСС (отдел борьбы с хищениями соцсобственности), или райком, или народный контроль взять новоявленного советского бизнесмена за жабры. И отправить лет на семь-десять-двенадцать в места не столь отдаленные. Многие свою впечатляющую карьеру так и заканчивали. Зато до тех пор, покуда власть имущие смотрели на этих деятельных руководителей сквозь пальцы, у них и хозяйства процветали, и сами они в президиумах сидели, и работникам у них жилось хорошо и удобно.

И «шабашники» через них зарабатывали, потому что трудиться они умели. «Шабашниками» чаще всего в советской России были представители национальных меньшинств: азербайджанцы, чеченцы, ингуши, немцы. Иногда в той же роли столичные студенты-старшекурсники выступали или молодые ученые, которые тоже в СССР париями были, но другого рода – не в национальном, а в социальном смысле: ютились в своих общагах и аспирантурах, крохотную стипендию получали или сто двадцать рублей жалованья и науку за эти копейки двигали.

Однако у студентов-аспирантов такого опыта и мастерства, как у немцев или чеченцев, не имелось, и с ними связывались в основном, когда качество совсем значения не имело – если свинарники строили, коровники. Но если вдруг дома жилые – вот тут как раз германцы были нарасхват. Русские ведь, особенно те, кто в колхозах-совхозах постоянно работал, разболтались за время большевизма донельзя. Русский человек слишком часто, даже если работать умеет, вдруг запьет, загуляет во время страды – чего нацмены никогда себе не позволяли.

Зато и получали пришлые работяги полной горстью. Отец Моргенштерн, каменщик, столяр и плотник от бога, в месяц поднимал полторы-две тысячи рублей. Мама штукатурила, красила и зарабатывала не меньше тысячи.

Про такие зарплаты в Советском Союзе и не слышал никто. У академиков ставка пятьсот рублей в месяц была. Только Юрий Антонов получал больше – за свои песни, которые из каждого кабака лились. Или Алла Пугачева и, может, Боярский. Родители всегда возвращались осенью в К. с чемоданчиками наличных, Наташа сама видела.

Зато уж как она по ним скучала теми годами, как скучала! Писем писать родители не любили. Места, где они обретались на шабашках, как правило, глухими были. До ближайшего телефонного узла – пятнадцать-двадцать-тридцать километров. Поэтому звонить тоже не звонили. Обменивались телеграммами, если случалось что-то непредвиденное, но телеграмм боялись, потому что они обычно означали что-то недоброе, нехорошее.

Привозили, конечно, родители, как возвращались, им с сестрой подарки. Обычно дорогие. Говорящую и гуляющую куклу. Самокат. Велосипед. Покупали (как тихонько рассказывали они бабушке, а Наташа подслушивала) не в магазинах, в магазинах ничего хорошего не найти, а у спекулянтов, с рук, втридорога. Платья импортные. Настоящие американские джинсы. Фломастеры. Калькуляторы. Электронные часы.

Подаркам Наташа радовалась, однако все равно с самых ранних пор заметила: старшая сестра, Луиза, дары получает лучшие, нежели она.

Да и вообще родители любят Луизку гораздо больше.

Потом, когда Наташа стала взрослее, она попыталась проанализировать: обычно ведь последыши родительскими любимчиками чаще становятся, чем первенцы. И именно у нее, младшенькой, по статистике, гораздо больше шансов было заполучить родительскую любовь. Но по непонятным причинам родичи возлюбили именно Луизку.

Луизка на девять лет была старше. Она и умница, и красавица, и послушница. В школе – на Доске почета, в почетном карауле стоит. Член совета дружины, потом в комитете комсомола. А главное, папа, когда с ней говорит (Наташа часто замечала), прямо лицом светлеет. И когда занимается с ней и возится, счастлив по-настоящему. И мама – то же самое.

Если Луизка чего захочет, ее отец на машину «Волга» сажает и везет в областной центр: школьную форму, к примеру, добывать, альбомы, карандаши, книжки. Или, допустим, решают они все вместе в Москву поехать, в столицу нашей Родины, – по ВДНХ погулять, по Красной площади, на Останкинскую башню подняться. Но «все вместе» означает втроем, без Наташки. Наташка, считается, маленькая. Все равно не поймет, только канючить будет. Вот и уезжают на зимние каникулы, и даже на елку в Кремлевском дворце съездов там попадают. Приезжают такие восторженные: ах, Кремль! Ах, Грановитая палата! Большой театр! Круговая кинопанорама на ВДНХ! Стереозал в кинотеатре «Октябрь»! И привозят Наталье, курам на смех, пластмассовую куклу, три бутылочки пепси-колы и сыр в железном тюбике, типа космическое питание. А Наталья все эти каникулы дома торчала, с бабушкой Идой Густавовной смотрела повтор польского сериала «Ставка больше, чем жизнь», даже гулять не ходила, потому что на улице – мороз минус тридцать пять и ледяной ветер.

Зато бабушка пекла каждый день пирожки, тортики и коврижки. Ида Густавовна Наташку любила и понимала – единственная в семье (да и во всем мире, наверное). Она даже спросила однажды ее – отчаянно: «А может, я им не родная? Приемная? Поэтому меня не любят?»

– Нет, – грустно покачала головой Ида Густавовна. – Ты им такая же родная, как Луизка, я это точно знаю. Просто любовь – материя такая... Сложная... Бывает: кого-то любят больше, кого-то – меньше. И это необъяснимо... Но ты терпи. Приходится терпеть. Жизнь – вещь переменчивая. Может, и в другую сторону все развернется.

И Наташа, несмотря на юный свой возраст, о том, что хотела сказать бабушка, все понимала.

Но шли годы, однако ничего не менялось. Наоборот, Луизка, образец во всем, окончила с золотой медалью школу, поступила в единственный местный институт, филиал инженерно-строительного – родители свою звезду никуда от себя отпустить даже помыслить не могли. И там она по-прежнему блистала – и в комитете комсомола, и в самодеятельности, и в стенгазете, пока неожиданно не решила выйти замуж – да за кого!

Наверное, самый перспективный молодой жених в городе – тридцатилетний, но уже, во-первых, с высшим образованием, во-вторых, партийный и, в-третьих, заместитель главного инженера в том самом строительном тресте, где числились на рядовых рабочих должностях и отец, и мать Моргенштерны!

Свадьбу для Луизки, разумеется, сыграли в высшей степени богатую. Отец Моргенштерн (деньги даже в советские времена решали многое) протырился и арендовал дом приемов, где, к примеру, не так давно сам первый секретарь райкома свою серебряную свадьбу праздновал. Еду тоже удалось для пиршественного стола достать с рынка и из закрытого распределителя, и путевку молодоженчикам раздобыли на медовый месяц аж в Пицунду.

Не говоря о том, что, используя умения отца Моргенштерна и связи зятя, молодые получили участок под застройку и стали там возводить для новоявленной семьи свой собственный частный дом.

В то время двенадцатилетняя-тринадцатилетняя Наташка вообще перестала быть хоть кому-нибудь нужна. Для родителей она вроде бы и не существовала. Они сквозь нее смотрели – она ведь не великая, успешная, самодовольная Луизка. Ну, и Наталья стала в ответ на уроки забивать, курить за углом школы, пробовать портвейн, собираясь с парнями и такими же, как она, оторвами, по подъездам (зимой) или окрестным рощам (летом и осенью). Разумеется, причуды в поведении рано или поздно становились родителям известны. И вызывали с их сто-

роны новый приступ неприятия. И проработки: «Вот смотри, какая Луизочка – и умная, и красивая, и поведения самого благовоспитанного, и замуж столь удачно вышла – а ТЫ?!!» В педагогике мамаша с папашей были не сильны и плохо понимали, что подобным противопоставлением двух дочерей – плохой младшей и хорошей старшей – делают поведение прорабатываемой только хуже.

«Ах, вам Луизка милее – ну и целуйтесь с ней!» Наталья хлопала дверями, била тарелки, даже убежала из дому – ночевала у подруг, – и, как следствие, противостояние с предками поднималось на новый градус, заверчивалось еще на один оборот.

Отец Моргенштерн собирался в тот год (помнится, восемьдесят четвертый) на заработки летом не ехать, отдаться целиком строительству дома для любимой старшенькой, под это дело даже целую бригаду нанял из единоверцев-соплеменников – но потом настолько его младшенькая Наталья (говоря современным языком) достала, да и предложение из Воронежской области прозвучало столь соблазнительно, что он сказал супругнице: «Нет, поедem». И тем, как впоследствии выяснилось, подписал себе приговор.

Сначала у отца и матери на шашке все шло неплохо, как обычно. Поселились в полузаброшенной избе, трудились, как водится, по четырнадцать часов в сутки за вычетом одного выходного в неделю (воскресенья), целую улицу строили для молодых специалистов. Но потом, когда получили расчет... И сложили пачки двадцатипятирублевых купюр в свой чемоданчик... И билет на завтра на поезд был... И утром председатель колхоза обещал подождать «газик» до вокзала... Однако ночью в избу залез местный охламон – пьяный, но недостаточно нагруженный, чтобы мирно уснуть, а довольно принявший, чтоб приставать и куражиться. Разбудил Моргенштернов. Приставил нож к горлу матери. Приказал отдать деньги. А когда отец передал вахлаку чемоданчик – схватил его и, уходя, полоснул, куражась, ножом не мать, а его, отца. А сам был таков.

Пока мать побежала звонить в контору, вызывать «Скорую»... Пока «Скорая» из райцентра доехала... Пока повезли Моргенштерна в больницу... Короче, он скончался, не приходя в сознание.

А убийцу задержали наутро. Он из того денежного чемоданчика только один четвертак успел истратить – на самогон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.